

В.А. Татаринов

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА: ЭВОЛЮЦИЯ ПРОБЛЕМ И АСПЕКТОВ ИЗУЧЕНИЯ

Менее 20 лет назад, в 1986 г., была опубликована обзорная статья известного отечественного терминоведа В.П. Даниленко (1924–2004) об актуальных направлениях лингвистического исследования русской терминологии (Даниленко В.П., 1986), в которой отмечалось, что все еще не опубликованы обобщающие терминологические исследования типа «Введения в терминоведение» и что отсутствует «определенный аспект исследования и описания терминологии». При этом В.П. Даниленко актуальными назвала три направления изучения терминов: номинативный, нормативный и функциональный.

С тех пор ситуация с описанием терминологической лексики кардинально изменилась. Имеются все необходимые теоретические издания (Гринев С.В., 1993; Мельников Г.П., 1991; Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В., 1989; Татаринов В.А., 1996; Лейчик В.М., Бесекирска Л., 1989; Авербух К.Я., 2004; Татаринов В.А., 1994, 1998) и теоретические журналы по терминоведению «Терминоведение» и «Терминологический вестник».

Значительные изменения произошли и в осознании аспектов изучения терминов, начиная с уточнения самого понятия «аспект исследования». В терминоведении термин «аспект» понимается как совокупность различных подходов и взглядов, лежащих в основе анализа основного объекта терминоведения — термина. Термин «аспекты терминологических исследований» близок таким понятиям, как направления, отрасли и методы терминоведения. При этом необходимо иметь в виду, что

зачастую указанные термины применяются как перформативные единицы, а их недифференцированное употребление ведет к образованию синонимических рядов типа *когнитивный подход — когнитивный метод — когнитивное терминоведение — когнитивные аспекты термина (терминоведения)*. Исторически об аспектах изучения термина целесообразно говорить начиная с 1972 г., когда произошла институционализация терминоведения как самостоятельной научной дисциплины. Первой попыткой систематизации аспектов терминологических исследований в таком понимании была кандидатская диссертация В.А. Татаринова (Татаринов В.А., 1987). В настоящее время термин изучается в следующих аспектах: теория термина, лингвистические аспекты, психолингвистические аспекты, социолингвистические аспекты, филологические аспекты, функционально-стилистические аспекты, дискурсивные аспекты, диахронические аспекты, функциональные аспекты, философские аспекты, семиотические аспекты, логические аспекты, гносеологические аспекты, системные аспекты, дидактические аспекты, информационные аспекты, прагматические аспекты, переводческие аспекты. Естественно, объектом изучения термин является также в сферах исследования терминов, относимых в настоящее время к отраслям терминоведения: когнитивное терминоведение, отраслевое терминоведение, историческое терминоведение и др.

Для обзора избраны только несколько аспектов, причем в каждом аспекте результирующая актуальность проблем, их дифференциация и отграничение от смежных проблем изложены, по возможности, на актуальном историческом фоне. Полная картина аспектов и отраслей терминоведения представлена в подготовленном к изданию энциклопедическом словаре по терминоведению.

1. *Теория термина* как терминологический аспект интересовала ученых с момента обращения исследователей к сущности термина. История становления данного аспекта изложена в книге (Татаринов В.А., 1994). В настоящее время продолжается поиск новых теоретических подходов, чтобы глубже проникнуть в терминологическую сущность специальной лексики.

Исследуется, например, категория терминологичности как ингрентного свойства термина. С.П. Хижняк (Хижняк С.П., 1998) на материале юридической терминологии приходит к выводу, что само свойство терминологичности в разные периоды формирования терминологии проявляется по-разному, равно как и разные терминологические единицы

имеют различную степень терминологизации. Одним из признаков терминологичности является осложненность терминологизируемого слова классификационными семами, которые существуют исключительно в определенных терминологических полях. Формирование свойства терминологичности идет параллельно с обобщением и дифференциацией специальных понятий. Манифестацией терминологичности является контекст (в противоположность мнению о независимости термина от контекста). Понятие терминологичности Хижняк увязывает с существующим в терминоведении понятием терминологического ключа, под которым автор понимает «совокупность экстра- и интралингвистических факторов, которые обуславливают как формальную, так и семантическую специфику терминов, терминообразовательный фонд юридического подязыка» (Хижняк С.П., 1998, с.18).

С.Д. Шелов (Шелов С.Д., 2003) предпринимает попытку терминометрических процедур по отношению к свойству терминологичности. При этом автором делается вывод, что терминологичность является не абсолютной, а относительной величиной, так как проявляется у каждого термина только в синтагматических или парадигматических контекстах. Е.И. Голованова (Голованова Е.И., 2004) устанавливает степень терминологичности наименований лиц по профессии как пограничных между общелитературным языком и специальной сферой общения. Развивая схему терминологичности Л.А. Шкатовой, автор привносит в нее элементы когнитивной категоризации специальных понятий. В результате Е.И. Голованова говорит о трех степенях терминологичности: низкой, средней и высокой. При этом наименования лиц по профессии высокой степени терминологичности отличаются усложненной номинативной структурой (*машинист автомата для завертывания книг в суперобложку, прессовщик пленочных материалов пресс-рулонным методом*). Изучение категории терминологичности в новых аспектах вновь подтвердило лингвистический статус терминологических единиц и его функциональную обусловленность.

Определенный вклад в изучение семантического статуса термина в русском языке внесло категориальное исследование неоднозначности термина. В результате были обоснованы семантические понятия амбисемии и эврисемии термина (Татаринов В.А., 1987, 1996).

Амбисемия термина (ambi- (лат.) ←σφι... (греч.) ‘вокруг, около’ + σῆμα (греч.) ‘знак’) есть свойство терминологической единицы функционировать в языке с разным объемом семантики, свойство, которое вызы-

вается рядом экстралингвистических факторов (использование одного термина разными научными школами, разными учеными, в разные периоды развития науки). Говоря другими словами, амбисемия – это разнотемная характеристика интенционала термина-понятия, его семантическая аспектация, различающаяся квантитативно и квалитативно. До тех пор, пока варьирующая часть семантики термина не сформируется как величина категориальная, термин остается однозначным, хотя и функционирующим в речи с различным объемом содержания.

Особенно рельефно неоднозначность проявляется при сопоставлении терминисистем разных языков, так как обнаруживается различная у разных культурно-языковых коллективов сегментация внеязыковой действительности, которая сопровождается самобытностью формирования объемов и систем понятий, особенно в интеллектуальных сферах деятельности людей.

Представление одного и того же понятия рядом дефиниций из разных источников весьма наглядно отражает диффузный характер интенционала понятия. Каждый научный работник обладает своей идеологией восприятия определяемого понятия, выделяя в нем не только устоявшиеся параметры, но и те аспекты, на которых он сосредоточивает свое внимание по причине, известной только автору описания. Значительному варьированию при этом подвергается структурирование элементов целого, их взаимодействие и взаимоувязка. Сравнение дефиниций аналогичных понятий подводит к мысли, что наличие дефиниции не приводит к моносемантизации термина, не гарантирует его однозначного восприятия и единообразного применения в акте коммуникации. Однако принятие такого положения противоречило бы здравому смыслу. Более внимательное изучение существующих определений может привести к адекватным выводам о причинах амбисемантизации термина.

Некоторые факторы в ряде случаев являются определяющими. И научная школа, и отдельный ученый привносят свое понимание объекта науки. Но и объективная действительность, и процесс познания развиваются и требуют уточнения системы понятий. Все эти факторы должны найти свое выражение в языке. Внутриязыковые ресурсы, их использование, а точнее, способы языкового представления понятий, могут повлечь за собой неоднозначное восприятие термина. Изучение научно-технических текстов показывает, что определения терминов в этих текстах имеют специфический характер. Зачастую они не являются классическими родо-видовыми дефинициями. Как можно судить по имеющимся

определениям технических понятий, речь в действительности идет не об определении, а об описании соответствующего понятия. Именно описательный характер дефиниции влечет за собой амбисемию термина. Автор описания не ограничен строгими рамками родо-видового определения, поэтому может оказаться включенным в описание любого из существенных (или просто более известных) признаков описываемого явления.

Такое понимание содержания термина позволяет прийти и еще к одному выводу. Амбисемию термина есть его свойство, которое отражает стремление научного работника (стремление работника, а не термина, как это хрестоматийно утверждается) к точности термина, полноте его описания. Отсюда разночтения в понятийной сфере науки, в специальной коммуникации не вызывают информационных шумов, они — естественный атрибут развивающихся науки и техники, в то время как бытовые определения понятий, содержащие нечеткие формулировки, приводят к явному дискомфорту в речевом общении. Термин «метр» как название единицы измерения вначале определялся как $1/40\,000\,000$ часть экватора Земли. Затем «метр» — это «1650763,73 длины волны в вакууме излучения, соответствующего переходу между уровнями $2p_{10}$ и $5d_5$ атома криптона-86» (Политехнический словарь, 1980). Термин «метр» в настоящее время амбисемичен, в научной жизни он существует в двух ипостасях: «привязанный» или к экватору, или к излучению криптона-86. В бытовой же жизни вне зависимости от этих представлений он всегда точен: метр — это «мера длины, равная ста сантиметрам, принятая за основную единицу длины в Международной системе единиц» (Словарь русского языка, т. 2, с. 261). У неспециалиста не возникает сомнения в точности этого термина, хотя сантиметр в том же словаре определяется как «единица длины, равная одной сотой доле метра». На формирование границ понятия кроме особенностей его выражения в языковой форме, в форме разного рода определений, может оказывать влияние и общеязыковая семантика.

Амбисемию характеризует неопределенность содержания, вызываемой не отсутствием точности в описании предмета мысли, а стремлением различных научных школ и отдельных исследователей к более глубокому проникновению в сущность объекта исследования, стремлением отразить его ранее не изученные стороны и аспекты. Термины-амбисеманты имеют неустойчивый интенционал и чрезвычайно узкий экстенционал. Амбисемию ярче всего прослеживается путем изучения дефиниционного представления терминов и их контекстуальных опреде-

лений. Таким образом, амбисемия термина — это его естественное состояние и неперменный компонент научно-технической деятельности, в основе которого лежат как внеязыковые, так и внутриязыковые причины.

Под эврисемией (εὐρύς (греч.) ‘широкий’ + σῆμα (греч.) ‘знак’) понимается способность термина относиться к неопределенному количеству денотатов. Процесс эврисемантизации можно рассматривать как процесс десематизации слова до его моносемной структуры, причем сохранившаяся моносема приобретает в высшей степени абстрактный характер. Термин становится бесконечнозначным, способным обозначать неопределенное количество денотатов. Наряду с десематизацией термина может наблюдаться и асемия, делексикализация, когда слово переходит в разряд морфологических средств типа *-образный*, *-видный*.

Эврисемии подвержены обычно общенаучные и общетехнические термины. Их семный состав позволяет термину быть бесконечнозначным, так как включает чаще всего одну сему обобщенного характера (ср.: *модель*, *тип*, *вид*, *класс*; *доказать*, *представить*). У эврисеманта есть и другие особенности. Например, термином *корпус* могут обозначаться предметы, которые не находятся между собой в иерархических, классификационных отношениях, между ними не существует логикопонятийной связи, они не являются также гипонимами (например, *корпус корабля* и *корпус двигателя*). В каждом случае процесс номинации основывается на реализации одной и той же семы в ее прямом значении «корпус, оболочка».

Таким образом, эврисемию отличает моносемный характер термина. Семантика термина-эврисеманта характеризуется высшей степенью обобщенности, что позволяет использовать его по отношению к неопределенному количеству денотатов. У эврисеманта — бесконечный экстенционал при весьма узком интенционале. Функционирование эврисемичных терминов приводит к постоянному расширению объема понятия при сохранении его содержания. Эврисемия может быть отслежена в научной речи через максимальное фиксирование всех возможных словоупотреблений термина.

Определению научно-исследовательского статуса термина посвящена статья (Алексеева Л.М., 1998). Автор, вслед за В.В. Виноградовым, относит термин к объекту общего языкознания, но оценивает его в концептуальном и функциональном аспектах. Актуальной признается динамическая концепция термина, включающая его свойство служить

инструментом интеграции научного знания. Функциональность термина должна пониматься не как простое «этикетирование» других (сравнительно со словом) понятий, а как их вербализация, как функциональная концептуализация нового знания, которое не существует в обыденном языке.

Онтологический статус термина в современном русском языке с общетеоретических позиций рассмотрен в книгах (Султанов А.Х., 1996; Авербух К.Я., 2004). А.Х. Султанов попытался объяснить причины многозначности терминологии, рассмотрел процессы взаимодействия понятия и смысла, наметил пути взаимодействия термина и слова. Объектом терминоведения, по мнению К.Я. Авербуха, являются термины как основной лексический массив языков для специальных целей. Термин представляет собой функциональное понятие, а терминологическая номинация — процесс сознательный и системный, включающий в себя две противоположно направленные тенденции: синтаксическое терминообразование и эллипсис. Авербух различает терминологию как элемент языка для специальных целей и терминологическую лексику как элемент общелитературного языка. Из лингвистических аспектов подчеркнута выделены проблема частей речи, типы словосочетаний, границы термина, терминообразование. В работе представлены также логические, семиотические и системные аспекты терминоведения. Полная аспектация изучения термина в терминоведческой литературе впервые представлена в книге Авербуха.

В.А. Татаринов (Татаринов В.А., 1998) в противоположность Авербуху говорит о феноменологической сущности термина. На примере научного наследия Д.С. Лотте в статье показано, как Лотте приходил к самым надежным результатам только в том случае, если он рассматривал термин не как идеальную сущность, а как феноменальное явление мыслительной деятельности человека.

Обсуждались в литературе и частные вопросы семантико-структурной организации терминологии, например, термины-фразеологизмы (Малина З.М., 2000), термины-синонимы (Курышко Г.Ф., 2001).

2. *Терминообразование (терминологическая номинация, ономазиологическое терминоведение)* — один из лингвистических аспектов термина, который в настоящее время имеет весьма разветвленную полиаспектность. Таковую полиаспектность терминологической номинации находим в книгах М.Н. Володиной.

В 1993 г. опубликована первая монография Володиной (Володина М.Н., 1993). В книге рассмотрены специфика и способы терминологической номинации, вопросы интернационализации научно-технической терминологии и ее связь с национальной спецификой термина, а также некоторые аспекты метафорики в терминологии. Номинация характеризуется как элемент познавательной способности человека и как преобразование объективного мира в идеальные феномены мышления. Из способов терминообразования рассмотрены семантическое терминообразование, моделированное терминообразование, а также сложносокращенные слова и аббревиатуры.

Автор обращает внимание на то, что при моделированном терминообразовании формируется собственный терминологический словообразовательный фонд, проявляющийся в создании автономных категориально-терминологических микросистем. Проведена классификация интернациональных терминов. В основе классификации лежит языковой источник образования термина: своеязычный термин, термин греко-латинского происхождения, калькированный термин и термины аналогичного терминопроизводства в разных языках. Упоминаются общие для национальных терминологий интернациональные тенденции в терминообразовании: дефиниционное терминообразование, гибридо термины, калькирование.

Вторая книга Володиной (Володина М.Н., 1996) посвящена термину как носителю специальной информации. Автор сосредоточила свое внимание на термине как «необходимом условии развития научно-технического знания. Эвристическая роль термина заключается прежде всего в том, что, будучи знаком, определяющим в объекте нечто общее и закономерное, он ограничивает разнообразие мира и тем самым становится инструментом познания». При этом развивается идея предикации термина: «Конденсируя информацию, термин обретает “профессиональную” память. Объективное содержание термина, являющего собой своеобразную “запись” научно-технического знания, характеризуется тем, что оно дается как смысл или значение специального выражения, которое представляет не только объект познания, но и мыслительный процесс, связанный с его познанием». По всей вероятности, предикативность термина может быть принята как удачная метафора для эксплицирования сложного, предикатного, мыслительного процесса терминологической номинации. Термин как носитель информации передает информацию не сам по себе, а благодаря «сопутствующим» моментам — дефи-

ниции, общеязыковым элементам, внутренней форме, терминологическим элементам.

Обобщающей работой по проблемам терминологической номинации является третья книга Володиной (Володина М.Н., 1997). В книге представлена подробная аспектация терминологической проблематики в современном терминоведении, освещены принципы, аспекты и способы терминологической номинации. Обращается внимание на социально-коммуникативный и препозитивный характер термина. Несомненной заслугой автора является вычленение психолингвистического, когнитивно-информационного и лингвопрагматического аспектов терминологической номинации. Процесс воплощения мысли в слове всегда волновал ученых. В аспекте мышления по-другому можно квалифицировать и роль метафоры в терминологической номинации: без метафоры нет творческого мышления, заключает автор. В прагматическом аспекте явно проявляется регулятивная функция термина: «Прагматическая направленность термина предполагает, следовательно, его определенную структурно-смысловую организацию, из которой выводится информационная установка на конкретное действие. Это обуславливает необходимость особой стратегии по созданию терминов, отвечающих подобным требованиям» (с. 130).

В книге «Когнитивно-информационная природа термина» Володиной (Володина М.Н., 2000) освещает роль термина в информационно-коммуникационных процессах познания и его культурологическую специфику. Автор продолжает развивать когнитивно-фреймовый подход к термину. Именно с помощью термина устанавливаются определенные сценарии, формируются определенные взгляды на ситуацию. Отмечается активизация в языке процессов детерминологизации и ретерминологизации.

Книга В.Н. Прохоровой (Прохорова В.Н., 1996) посвящена семантическому способу терминообразования в русском языке. В книге определены границы лексико-семантического терминообразования, установлены особенности семантического образования в терминологии сравнительно с общелитературным языком, намечены закономерности тропеических переносов, вычленены ЛСГ, подвергающиеся терминологизации, описаны пути взаимодействия семантического терминообразования с другими терминообразовательными процессами и условия, при которых язык прибегает к семантическому типу терминообразования.

В некоторых работах в последнее время рассмотрены логосические аспекты терминологической деривации и ее метаязыковая аспектуальность (Буянова Л.Ю., 1996, 1996, 2002), функциональная нагруженность терминомоделей в тексте (1; 4; 7) и др.

3. *Филологические, функционально-стилистические и стилистические аспекты термина* — аспекты изучения терминов, которые можно охарактеризовать как общефилологические и традиционные, но все более уходящие в историю. Спад интереса к проблеме «термин в общелитературном языке (в языке художественной литературы)» объясняется, видимо, спадом интереса к общегуманитарной проблематике, а также наличием классических работ выдающихся филологов, уровня которых можно достичь только нечеловеческими усилиями.

По-прежнему исследуются процессы детерминологизации в русском языке. Детерминологизация рассматривается в трех направлениях: а) переход термина в общелитературный язык в своем исходном значении; б) метафоризация термина; в) приращение общелитературной семантики к терминологическому значению. На этапе формирования терминоведения как самостоятельной дисциплины описание процессов детерминологизации было одним из ведущих направлений, создававших терминоведение. Процесс проникновения терминов в общелитературный язык стимулирует создание терминологических словарей и словарей иностранных слов. Особенно показательны в этом отношении терминологические словари середины XIX в. (Валгина Н.С., 2001).

Как известно, при переходе слова в терминологическую сферу происходит его вхождение в категориальную систему той или иной отрасли. Процесс же детерминологизации выводит термин из этой системы и придает ему с помощью толкования новое значение — или коррелирующее с его специальным значением (понятием), или образующееся вновь по законам метафоризации. В какую систему категорий попадает детерминологизированное слово, пока еще не исследовано. Квалификация одного и того же термина в терминосистеме и в общелитературном языке как слов-омонимов является, по всей вероятности, упрощением. Как минимум, исследованию должен подвергаться каждый случай детерминологизации (равно как и терминологизации), чтобы можно было говорить о сохранении или разрыве семантических связей, т.е. обобщающего вывода о детерминологизации как явлении омонимии быть не может.

Конечной целью изучения процесса детерминологизации является не установление степени омонимичности или терминологичности, а проникновение в сущность процесса смены категориальных парадигм человеческого мышления — с уровня научной парадигмы до уровня бытового мышления. Однако возникают и новые аспекты проблем детерминологизации. Так, Е.В. Какорина (Какорина Е.В., 1996) описала деспециализацию терминов на фоне общелексических процессов трансформации лексической семантики и сочетаемости. Место терминологической лексики в системе современного русского языка рассмотрено Н.А. Буре (Основы научной речи, 2003). К.Я. Авербух (Авербух К.Я., 2004) и Л.А. Манерко (Манерко Л.А., 2000) предлагают определять статус термина, исходя из понимания его как функциональной единицы языка для специальных целей. Продолжается давняя традиция рассматривать термин как объект культуры речи. В этом аспекте внимание привлекают работы В.П. Даниленко, Н.В. Новиковой (Культура русской речи и эффективность общения, 1996) и Е.В. Карпинской (там же). (Этими авторами написаны отдельные разделы в указанных учебниках.) С большей результативностью изучается функционирование термина в художественной литературе, если его рассматривать на общем фоне функциональных проблем, как это сделано в работе Г.А. Абрамовой (Абрамова Г.А., 2003).

4. *Диахроническое и историческое терминоведение* — отрасли терминоведения, в которых наиболее активно происходят понятийно-терминологические изменения в метаязыке и в подходах к исследованию терминологических фактов языка. Им Хынг Су (Им Хынг Су, 1995) в традиционном для русского терминоведения направлении представил полную картину становления терминологий русского языка, отметив в первую очередь роль некоторых исторических процессов в структурировании современных терминологических массивов русского языка. К таким процессам Им Хынг Су отнес социолингвистические контакты, глобальную тенденцию к интернационализации, внутриязыковые возможности русского языка.

Исследователей по-прежнему привлекают эволютивные процессы в терминологической лексике. Е.И. Голованова (Голованова Е.И., 1995) отмечает, что пример изучения горнозаводской терминологии русского языка говорит об имманентной системности исторических процессов в терминологии при наличии черт нестабильности и неустойчивости. Ядро терминологии, несмотря на иностранные заимствования, составляют

исконные русские слова. А.Н. Соколов (Соколов А.Н., 2002) описал зависимость значения терминов от развития идеологических систем и воздействие этих процессов на формирование значений сопредельных терминов. Мелиоративные и пейоративные тенденции в движении семантики идеологически нагруженных терминов могут приводить в ряде случаев к возникновению энантиосемии термина. Б.Н. Рахимбердиев (Рахимбердиев Б.Н., 2003) при исследовании динамики значения терминов применил, в частности, методы корпусной лингвистики. С помощью этих методов появилась возможность говорить не только о тривиальной полисемии, но и о диахронической синонимии терминов.

Для изучения внутрительминоведческих диахронических процессов значительную ценность имеет «Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения» С.В. Гринева (Гринев С.В., 1998). В словаре зафиксированы применяемые в настоящее время термины русского терминоведения с указанием на время и автора их первого употребления в литературе.

Обобщение и систематизация материала по историческому терминоведению проведены в книгах О.В. Борхвальдт (Фельде). В книге «Русская терминография в историческом аспекте» (Борхвальдт О.В., 1998) представлена попытка преодолеть наметившийся разрыв между теорией и практикой историко-терминологической работы. Работа призвана, по замыслу автора, дать обоснование исторической терминографии как особой формирующейся отрасли русистики. Борхвальдт впервые представила свод сведений о становлении русской исторической терминографии, рассмотрела ее основные особенности. Таких задач прежде не ставил ни один из исследователей. Фактически книга является единственной на сегодняшний день теоретической работой в этой области терминографии и одной из немногих в числе тех, которые освещают состояние русской терминографии на протяжении XVIII—XIX вв.

Автор ориентирует читателя на осознание непрерывности творческого процесса, на понимание культурно-исторической функции словарей специальной лексики прошлых эпох. Под этим углом зрения Борхвальдт прослеживает основные этапы становления русской терминографии, определяет роль и место историко-терминологических словарей среди других продуктов терминографии.

Читатель найдет ответы на такие актуальные вопросы, как предмет и объект исторической терминографии, ее области, аспекты, связь с другими науками, соотношение понятий «филологический словарь» —

«терминологический словарь» — «энциклопедический словарь». В недрах отечественной терминографии автор выделяет три области: теорию терминографии, историю терминографии и практическую терминографию. Причем последнюю подразделяет на историческую и «синхронную» (XX в.). Подробно перечисляя основные проблемы терминографической теории, Борхвальдт предлагает подключиться к решению одной из них — проблемы лексикографических жанров и типов применительно к терминографии, составлению типологии словарей специальной лексики. Борхвальдт предлагает свое, оригинальное, решение данной проблемы, четко разграничивая понятия *практическая терминография, область практической терминографии, лексикографический жанр, жанровая разновидность и тип словаря*.

Борхвальдт констатирует, что в специальной литературе слишком мало наблюдений в области истории терминографии, результаты которых можно обобщить. Тем большую ценность имеют работы, материалом которых послужили терминографические произведения разных веков, обнаруженные авторами в отделах редких книг библиотек. На первое место закономерно выдвинуты вопросы, связанные с зарождением исторической терминографии как одной из отраслей русистики. Борхвальдт выявляет этапы становления русской терминографии, дает развернутую характеристику основных типов специальных словарей прошлых веков.

Автор обращается к спорному вопросу о дате появления первого терминологического словаря. Прообразы таких словарей, по мнению Борхвальдт, появились еще в древнерусский период. Один из ранних лексикографических памятников, в котором можно обнаружить зачатки терминологического словаря, датирован 1282 г. Первым же российским терминологическим словарем в книге назван «Русско-голландский глоссарий корабельных частей» (1688—1701), составленный Петром Великим.

Представив характеристику некоторых отраслевых словарей XVIII в. (переводных, двуязычных, одноязычных толковых), автор подводит читателя к мысли, что появление в конце XVIII столетия русской исторической терминографии было подготовлено всем ходом развития отечественного словарного дела и отвечало потребностям социокультурной ситуации рубежа XVIII—XIX вв. В числе первых русских исторических словарей специальной лексики Борхвальдт называет «Историче-

ское известие об упомянутых старинных чинах в России» (1791) и «Лексикон исторический...» В.И. Татищева (1793).

Отличительными особенностями русской терминографии первой половины XIX в. были тенденции к политехнизации словарей, к расширению объектов лексикографирования и внимание «к функционированию специальной лексики в пространстве и во времени». Значительное место в этой части работы занимает характеристика основных терминологических словарей первой половины XIX в.: Минералогического словаря В.И. Севергина (1807), Французско-русского и Немецко-русского словаря технических терминов В.П. Еремеева (1835 и 1837), Горного словаря Г.И. Спасского (1841–1843), Опыта терминологического словаря... В.П. Бурнашева (1843–1844), Историко-терминологического словаря А.В. Висковатова (1841–1842). Материалы иллюстрируются примерами из раритетных лексикографических трудов первой половины XIX в.

Центральное место занимает фрагмент, посвященный характеристике исторических словарей специальной лексики А.В. Висковатова (1841–1842), А.Ф. Вельтмана (1844), П.М. Строева (1844), П.И. Иванова (1846). Борхвальдт удалось продемонстрировать динамику развития русского словарного дела, на наглядных примерах показать, как на протяжении нескольких десятилетий увеличивались объем терминологических словарей, число их лексикографических параметров, как совершенствовались способы толкования специальных наименований. Тот же принцип подачи материала сохранен и в третьем параграфе раздела. Он посвящен обзору русских терминологических словарей второй половины XIX в. Автор показывает преемственность традиций отечественной терминографии, говорит о появлении новых жанровых разновидностей терминологических словарей (регионального с историческими данными, многоязычного политехнического и др.), рассказывает о словарях, фиксирующих термины новейших для того времени отраслей — телеграфного дела, фотографии, гальванопластики и т.д. Характеризуются (с разной степенью глубины) терминологические словари П.П. Андреева (1878–1881), Д. Сабанеева (1880), И. Миллера и К. Модраха (1887), А.Ф. Мевюса (1898).

На этом фоне отчетливо выявлено направление исторической терминографии, которое во второй половине XIX в. было представлено алфавитными списками, тематическими перечнями и прикнижными словарями И.П. Сахарова (1851), Д.А. Ровинского (1856),

И.И. Срезневского (1866), Н.И. Горбачевского (1874), П.И. Савванитова (1865).

Второй раздел посвящен русской исторической терминологии XX в. Дается обоснование исторической терминологии как особого раздела лексикографии. Борхвальдт отмечает, что это «вполне *автономная область* лексикографии с полуторавековой историей». В другом месте историческая терминология названа «формирующейся отраслью русистики». Объектом исторической терминологии, по мнению автора, является «специальная лексика различных отраслей науки, производства, промыслов и ремесел в ее становлении и развитии». Автор дает четкие теоретические ориентиры не только для тех, кто изучает процесс формирования русской исторической терминологии, но и для занимающихся практической работой по составлению исторических словарей специальной лексики.

Описываются хронологические рамки таких словарей, круг обязательных лексикографических источников, инвентаризационный, культурно-исторический характер историко-терминологических словарей, методы работы над ними. Борхвальдт главными задачами исторической терминологии считает фиксацию словарного состава подязыков прошлого, «показ динамики номинативных процессов в хронологических пределах от известной или условной даты возникновения изучаемой отрасли знаний (сферы деятельности) до начала современного периода ее развития», отражение лексикографическими средствами логико-предметных связей внутри специальной лексики.

Перечисленные задачи частично совпадают с задачами диахронического терминоведения. Проводятся параллели между двумя ветвями русской терминологии – синхронной и исторической. Глубокому анахронизму, нормативности в отборе и подаче терминологической лексики, прагматизму терминологических словарей современного русского языка автор противопоставляет историзм, инвентаризационный культурно-исторический характер, ослабленность субъективного фактора исторических словарей специальной лексики.

В последнем параграфе работы дана характеристика историко-терминологических словарей XX в. Большинство из них прежде не привлекались в лингвистический оборот. Оригинальной является предложенная Борхвальдт типология исторических словарей специальной лексики. Она выделяет исторические толковые отраслевые и узкоотраслевые словари, исторические словари одной терминологической микросис-

темы, словари вхождений терминов, исторические региональные словари специальной лексики, исторические словари одного памятника или автора. Основные типы исторических словарей специальной лексики автор сопоставляет, с одной стороны, с жанровыми разновидностями и типами исторических словарей русского языка, с другой – с жанровыми разновидностями и типами терминологических словарей современного русского языка. Это позволяет увидеть своеобразие продуктов исторической терминографии, определить их место в системе лексикографических жанров. Всего во втором разделе рассмотрено 23 историко-терминологических словаря, созданных в XX столетии.

В книге «Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении» О.В. Борхвальдт (Борхвальдт О.В., 1998) проводит дифференциацию таких понятий, как диахроническое терминоведение и историческое терминоведение, причем диахроническое изучение термина определяется как аспект терминологических исследований. Историческое терминоведение к началу XXI века включает в себя несколько научных направлений: этнокультурологическое, региональное, сопоставительное, историко-ономазиологическое, источниковедческое, функционально-филологическое, этимологическое. В качестве предмета исторического терминоведения автор называет специальные подъязыки, а объект – специальные наименования. Специальная лексика золотопромышленности анализируется в диахронии по основным параметрам – формальному, историческому, функциональному, семантическому, ономазиологическому, лексикографическому, что позволяет увидеть основные черты подъязыка золотопромышленности как части целостной развивающейся подсистемы русского языка, определить закономерности ее развития.

В книге «Историческое терминоведение русского языка» Борхвальдт (Борхвальдт О.В., 2000) пишет: «Основным социальным фактором выделения подъязыков в качестве особой формы существования языка было профессиональное членение общества». Характерной чертой подъязыка является его динамика и избыточность языковых средств.

В книге «Историческое терминоведение в теории и практике» О.В. Фельде (Борхвальдт) (Фельде О.В., 2001) предприняла попытку дальнейшего развития заявленных ранее проблем исторического терминоведения. Среди центральных проблем исторического терминоведения стоят проблемы хронологического плана, распределения специальной лексики на оси времени, и в частности, выделение начальных этапов формирования терминологий и изучение динамики их развития, процессов специа-

лизации, создание таких конструкторов, как лингвохронологический срез для какого-либо этапа развития специальной лексики, выявление в ее составе генетически разнящихся пластов, этимология специальных слов и др.

Среди задач исторического терминоведения называется также датировка появления новых специальных наименований в языке, определение причин и стимулов этих процессов, внутриязыковых или экстралингвистических пружин их развития, перспектив развития во времени специальной лексики и целых терминосистем. Верхней границей исторического терминоведения с точки зрения актуального времени Фельде условно считает период в 90 лет, в течение которого успевает смениться три лингвистических поколения, «усилиями которых в языке накапливаются элементы нового, позволяющие провести черту между современным языком и периодом его развития, ставшим фактом истории», а также «наблюдать за процессом поиска адекватных средств для выражения специальных понятий». Подчеркивается лингво-информационная, этнолингвистическая, социо- и историкокультурная значимость терминологических диахронических исследований, их значение для теории познания.

В диахронии Фельде выделяются такие функции специальных подязыков, как функция профессиональной коммуникации, номинативная, когнитивная, аккумулятивная, аксиологическая, референции, сигнификации, предикации. Основой специальных подязыков является общезыковой субстрат. Отмечается, что прототермины, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы и арготизмы особенно трудны для реконструкции, так как основная сфера их использования – разговорная речь, соответственно, большая часть этой лексики некодифицирована, эмоционально окрашена, неустойчива. Вместе с тем это важнейший источник пополнения терминологии отрасли.

Обращается внимание на особенно актуальные разряды подязыков в отдельные периоды развития языка (например, конфессиональная терминология в церковнославянских памятниках). Периодом усложнения специальной лексики называется XVII в., когда появляются, в частности, терминомы (среди них авторские термины, фамильные термины, персонимы, эпонимные термины и др.) как разновидность номенов. Среди прототерминов автор называет наименования, относящиеся к политическому устройству, дипломатии, военному делу, коневодству, сельскому хозяйству, некоторым занятиям и ремеслам, географическим

представлениям. Указывается на появление терминоидов в подъязыках XVI, XVII–XVIII вв. – они дефинируются автором как «специальные единицы, которые используются для называния формирующихся, неустоявшихся понятий». По сравнению с терминами они находятся на более низкой стадии терминологизации.

Здесь же даются дефиниции термина, квазiterмина, терминоида, прототермина, предтермина, профессионализма, номена, в том числе терминонима, и др. терминологических и терминоподобных образований. Указывается на родственность исторического терминоведения и исторической терминографии, базирующейся на данных исторического терминоведения. Можно уже говорить об этапах становления исторического терминоведения. Интерес к семантике и этимологии специальной лексики впервые обозначился в середине XIX в. При этом как автономная область знаний (в составе терминоведения как комплексной научной дисциплины) историческое терминоведение оформилось в середине 80-х годов – конце XX в. Требуют дальнейшей разработки проблемы жанровой привязки подъязыков, изучение новых источников, сущность профессионализмов, вопросы «стадиальности в развитии языка и мышления» и др. (см. также: Борхвальдт О.В., 2000).

5. *Типологическое терминоведение.* Из работ данного направления остановимся на книге С.Г. Казариной (Казарина С.Г., 1998). В монографии обосновывается понятийно-терминологический аппарат типологического терминоведения как самостоятельной лингвистической дисциплины, а не как отрасли науки о термине. Автор предпринимает попытку описать систему филиационных процессов в языкознании с учетом сохранения предмета языкознания. Отсюда филиационный ряд дисциплин лингвистика – терминоведение – типологическое терминоведение базируется на одном научном предмете – проблеме «язык и мышление».

В лингвистике эта проблема изучается в онто- и филогенетическом аспектах, в терминоведении – в аспекте становления научного мышления, в типологическом терминоведении – на первый план выступает проблема типа научного мышления. Сопоставление терминоведческих объектов дает возможность выявить их типологические свойства с тем, чтобы в последующем проследить формирование научных типов мышления или научных парадигм и реализовать полученные результаты, например, в номинационной и педагогической деятельности. При этом особо значимым является вопрос, следует ли начать с детального изучения терминологии отдельной отрасли знания (чем занимается отраслевое

терминоведение) или создать некую сетку характеристик, которая может накладываться на терминологическую систему.

Типологическое терминоведение определяется как относительно дифференцированная лингвистическая дисциплина, в рамках которой рассматриваются типы специальных языков, монологических терминосистем и их элементов в различных исторических срезах. Дисциплинарный статус типологического терминоведения обосновывается помимо наличия собственного объекта и предмета исследования также основополагающим методом работы — количественно-сопоставительным. Особо подчеркивается идея создания специфических прикладных продуктов типологического терминоведения — типологических паспортов терминосистем, позволяющих экономно изложить типологические характеристики терминологии в удобной для пользователя форме в зависимости от объекта описания, прагматического признака и объема параметров.

На основе разработанной концепции типологического терминоведения описываются эволютивные, формальные, семантические и функциональные характеристики терминов и их совокупностей — 12 терминологических систем медико-биологических, клинических и профилактических дисциплин общим объемом около 17 000 единиц. В числе эволютивных характеристик терминосистем называется установление хронологического параметра терминосистем на основе изучения текстов по истории формирования медицинских наук. Автор считает эту характеристику одной из основных и обнаруживает ее связь с генетическими характеристиками совокупных объектов изучения, формальными параметрами терминосистемы, набором формальных моделей специальных единиц аналитического и синтетического типов, объемом реестров морфемных и морфолого-синтаксических моделей терминов, количеством и параметрами иерархических блоков в терминосистеме, распространением равнозначных терминов, количественным распределением типов специальных единиц, в том числе эпонимических номинаций.

Опираясь на предлагаемую концепцию и результаты количественного анализа, Казарина исследует формальные модели терминов синтетического типа, аналитического типа и иерархических блоков терминологических систем. В 12 изученных терминосистемах подязыка медицины выявлено 58 типов морфемных моделей цельнооформленных терминов. В реестр доминирующих типов вошли 12 разновидностей, среди которых наиболее распространенной, как свидетельствуют результаты количественного анализа, явилась модель типа аксо/плазм/а/, хро-

нио/сепсис/0/. Устанавливая причинно-следственные связи между отдельными характеристиками, Казарина доказывает, что показатель количественного разнообразия морфолого-синтаксических моделей терминов аналитического типа зависит от типа генетической модели терминосистемы (гомогенной, гетерогенной, филиационной или контаминированной), хронологического параметра и ее принадлежности к определенному циклу дисциплин.

В перечень типов морфолого-синтаксических моделей с нижним пределом распространения 1% входит от 8 до 15 единиц, при этом в отдельных терминосистемах этот реестр превышает 100 моделей. Следуя постулируемому в типологической лингвистике требованию исчерпывающего охвата материала для создания рациональной классификации, Казарина анализирует весь массив иерархически построенных объектов – терминосистем, сопоставляя параметры иерархических блоков, и приходит к выводу о том, что эволюция терминосистем не должна связываться только с восходящей линией, движением от простого к сложному, к увеличению всех параметров терминосистемы.

Среди наиболее дискуссионных вопросов, затронутых автором и решенных с привлечением результатов количественного анализа выделяются следующие: распространение эпонимических номинаций в пределах всей совокупности терминосистем, описание положительных и отрицательных свойств эпонимов, распространение доминирующих терминологических элементов в пределах квалификативных терминов отдельных терминосистем, экстралингвистическая детерминированность равнозначных терминов и др. Автор специально останавливается на вопросе об эмоциональной окраске термина. Настаивая на способности специальных единиц быть негативно или позитивно экспрессивными, автор доказывает наличие этих свойств приведением фактов из деонтологической литературы.

В монографии содержится вывод о недостаточной представленности терминосистем различных областей медицинского знания в терминологизирующих источниках (это установлено исследованием 243 терминологических изданий медицинской тематики). Здесь же приведены примеры нарушения терминологической нормы в пределах исследованного массива многокомпонентных терминов, что вызовет интерес нормализаторов терминологии. Монография существенно пополнила наши представления о глобальных терминоведческих объектах – терминологических системах – и значительно расширила круг аспектов изучения

предмета терминоведения за счет типологизации эволюционных процессов в научном мышлении.

6. В *отраслевом терминоведении* существуют два направления в подходе к термину: 1) изучение отраслевой терминологии как основного компонента профессионально-отраслевого языка; 2) с точки зрения места отраслевых терминов в структуре общелитературного языка. Основное внимание исследователи сосредоточивают на особенностях терминов-неологизмов. Так, Л.В. Ивина (Ивина Л.В., 2003) подошла к изучению терминосистем с лингвокогнитивной точки зрения, Л.С. Рудинская (Рудинская Л.С., 1997) определила современные тенденции развития гематологической терминологии, Е.А. Коновалова (Коновалова Е.А., 1998) установила парадигматические отношения в современной русской экономической терминологии, Н.М. Карпухина (Карпухина Н.М., 2001) предприняла попытку установить место профессионально терминированной экономической лексики в составе терминосистемы экономики (термины типа *быки, медведи, бэквардэйшн*), М.В. Китайгородская (Китайгородская М.В., 1996) подвергла тщательному анализу современные сферы функционирования экономической лексики в русском языке, обращая внимание на проблемы прагматики и деидеологизации терминологии. Автор изучила также место терминологической вариативности в языке и особенности жаргонных эквивалентов терминов (*навар, накрутка, челноки*). И.С. Куликова и Д.В. Салмина (Куликова И.С., Салмина Д.В., 2002) описали лингвистическую терминологию в аспекте металингвистики. В качестве удачного исследования внутриотраслевых, а также межотраслевых терминологических лексико-семантических групп можно назвать работы С.Г. Казариной (Казарина С.Г., 1998), З.И. Комаровой (Комарова З.И., 1997) и В.Г. Кульпиной (Кульпина В.Г., 2001).

7. *Когнитивное терминоведение*. Центральной работой в области когнитивного терминоведения на сегодняшний день является монография Л.М. Алексеевой «Термин и метафора» (Алексеева Л.М., 1998).

Книга посвящена исследованию процессов порождения терминологических единиц в аспекте динамического анализа языкового знака. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, возросшей ролью терминологии в жизни современного общества с его сложной информационной структурой, с другой – потребностями теории терминоведения в новом осмыслении таких устойчивых проблем, как статика и динамика термина, «естественность» и «искусственность» в термине, зависимость и независимость термина от контекста и ряд других про-

блем. В то же время именно широкое рассмотрение данного комплекса проблем помогает выявить природу и статус термина как феномена речемыслительной деятельности.

Научный вклад книги заключается в том, что основное внимание в ней уделяется переоценке отдельных терминоведческих постулатов, начатой еще в 70-е годы. Одним из таких постулатов является категория «термин и слово», ставшая не только типологической, но и глобально терминоведческой проблемой. Открытость данной проблемы объясняется тем, что ее решение большей частью сводится к воспроизведению традиционных требований, предъявляемых к термину, что придает решению данной проблемы характер простого постулирования.

В отличие от этого в книге Л.М. Алексеевой рассматривается онтологическая сущность термина, основанная на понимании термина как функции слова и обусловленная свойствами самого языка, которые потенциальны в обычной системе языковых отношений, но актуализированы в системе специальных отношений. Следовательно, главной задачей онтологического анализа автор считает изучение языкового механизма актуализации потенциальных свойств, заложенных в языке. Алексеева обращается к традициям изучения проблемы «термин и слово», заложенным еще в трудах П.А. Флоренского, который обосновывал категорию термина противоречиями языка.

Онтологический аспект изучения термина и терминообразования позволил увидеть в термине не только специфическое, т.е. «интеллектуальную чистоту» (Г.О. Винокур), но и осуществить интеграционный анализ специальной лексики. Онтологический аспект исследования термина сделал возможным рассмотрение противоречивости природы термина: термин проявляет как черты «нежесткости», так и свойства множественной мотивированности. Автор говорит о том, что диалектика соотношения термина и слова естественного языка заключается в том, что в их основе лежат одинаковые механизмы словообразования (в этом смысле обе эти единицы – компрессаты текста), но с другой стороны, терминология – это вторичная (производная) семиотическая система, отличная от естественного языка. Означаемое слово «провоцирует» процесс порождения варианта уже созданного языкового знака в другой знаковой системе.

Слово естественного языка, попадая в новую производную знаковую систему, изменяет некоторые из своих характеристик: оставаясь по-прежнему словом, термин меняет свою «знаковость», или семиологиче-

скую природу. Алексеевой удалось показать, что термин возникает на уже созданной языковой основе и в этом смысле всегда ею мотивирован. Более того, автор показывает, что термин оказывается мотивированным уже на уровне означающего, и в этом он существенно отличается от обычного слова. Автор утверждает, что мотивированность термина носит специфический характер, заключающийся в том, что она реализуется не путем ассоциативного обмена семами, а посредством установления отношений подобия, иными словами, терминологическая мотивированность является не отражательной, а конструируемой.

Научная новизна работы обусловлена одним из наиболее перспективных и менее исследованных аспектов, а именно — текстологическим. Текстовый аспект исследования позволил автору диссертации сделать очень важный вывод о функции термина-метафоры как интратекста, поскольку данный тип термина представляет на поверхностном уровне текста скрытую, глубинную характеристику исследуемого объекта, а также определяет внутренний механизм развития текста. Научная метафора демонстрирует инкорпорационную основу: новое метафорическое значение всегда обусловлено старым. Современные терминологические исследования чаще всего сводятся к рассмотрению упорядоченных терминосистем, а не терминов в реальных текстах, что привело к тому, что изучение соотношения термина и текста еще не стало в необходимой степени традицией, поэтому до настоящего времени в терминологических исследованиях причудливо сочетаются элементы прескриптивного и дескриптивного подходов.

Удачному исследованию текстовых характеристик терминологической метафоры способствовало также эффективное использование методики деривационного анализа. В исследовании Алексеевой принято широкое толкование деривации как процесса образования языковых единиц в тексте. В работе соединены деривационный и семиотический аспекты, что позволяет автору трактовать термин в качестве производной единицы: а) как результат семантической деривации (перекодированный знак естественного языка); б) как результат синтаксической деривации (компрессат текста). Вывод о текстовом характере метафорического термина обосновывается концепциями М. Фуко, Р. Барта, Э. Бенвениста, П. Рикера, А.А. Уфимцевой, В.Н. Телия.

Функциональная характеристика текстовости метафорического термина обусловлена метаязыковой функцией языка и сводится к тому, что термин-метафора является одновременно и объясняемым, и объяс-

няющим. Большое внимание Алексеева уделяет изучению общих и специфических законов порождения метафоризированного научного текста. Особенно следует отметить выявленное автором свойство программного парадигматического наращивания (термин автора), понимаемого как текстовое усложнение. Рассмотрение термина-метафоры в качестве интра-текста, как и текстовый аспект исследования термина в целом, является новым в теории терминоведения. Выявляются типологические свойства научной метафоры, и на этой основе формируется понятие терминологической метафоризации.

Научная метафора трактуется Алексеевой как вид метафоры, основанный на изоморфных и специфических свойствах универсального языкового процесса. В течение длительного времени метафора рассматривалась в рамках риторики, функциональной стилистики, поэтики, что послужило причиной нейтрализации дихотомии общего/специального в отношении функционирования метафоры. Как утверждает автор, общее в метафоре часто смешивалось со специфическим, и наоборот, специфическому приписывались черты всеобщности. Это породило мнение о том, что метафора в различных типах текста аналогична, т.е. экспрессивна, эмотивна. По-видимому, этот момент объясняет то, почему в практике создания нового термина исследователь предпочитает заимствованный термин, не отягощенный экспрессией родного языка, слову своего языка.

Таким образом, и в этой проблеме онтологический аспект, на который опирается автор, позволил элиминировать при изучении сущности термина вездесущую дидактику и прескриптивность. Типологические свойства терминологической метафоры автор обосновывает наличием коэффициента подобия, т.е. степенью соотнесенности с интенционалом значения порождающего слова. Алексеева доказывает, что в ходе терминологической метафоризации во избежание произвольности толкования вновь порождаемой терминологической единицы реализуется «ближайшее» значение слова-основы. В то время как в процессе художественной метафоризации задействованы чаще всего второстепенные значения.

Все эти посылки закономерно приводят автора книги к выводу о том, что совокупность общих свойств референта и релята терминологической метафоры ограничена и сводится лишь к основному значению слова. Та же самая совокупность свойств в художественной метафоризации практически не ограничена, в качестве порождающего может оказаться любое значение слова-основы. Отсюда коэффициент подобия референтов научной метафоры высок, поскольку он выводится из обяза-

тельного ограничительного правила использования лишь основного значения порождающего слова, в то время как коэффициент подобия в художественной метафоре ниже, чем в научной, поскольку соотносится как с главным, так и с второстепенным значением слова-основы. Понятие терминологической метафоризации рассматривается в работе не как простой синтез двух исходных понятий, а как более сложное явление. Оно основано на понятии референтных отношений и, по мнению автора, противоречиво, поскольку предполагает одновременно как стереотипность, так и творчество. Первое свойство является отражением консерватизма любого словообразовательного процесса, поддерживающего лексическую систему в состоянии коммуникативной пригодности.

Впервые в теории терминоведения сформулировано определение терминологической метафоризации как метафорического процесса, имеющего место в сфере терминотворчества и связанного с вербализацией научного знания в виде его концептуализации, неоднозначного и противоречивого в своей основе. Еще одним вкладом в типологическое изучение научной метафоры является выявление лингвистического механизма данного процесса. Автор уходит от понятия механизма научной метафоры, основанного на сравнении, т.е. на замене одного значения другим, или мены сем, поскольку такая мена не отражает процессаращения научного знания.

Между тем подобное понимание механизма метафоры в настоящее время является преобладающим. В динамических порождающих теориях известен также механизм метафоры, основанный на контаминации. Трактовка подобия в работе адекватна исследованию закономерностей научной метафоры как в общем, так и в специфическом смысле. В общем смысле научная метафора рассматривается как преодоление имманентности языка науки в целом. Это происходит как раз при помощи механизма создания подобия. Кроме того, понятие подобия как средства метафоризации отражает многоаспектный и противоречивый характер этого процесса: с одной стороны, оно обеспечивает объективность, точность научного текста и надежность дефиниции порождаемого термина, с другой – процесс создания подобия обращен к скрытым, потенциальным знаниям коммуникантов, поэтому вызывает в процессе терминотворчества определенную силу воображения, которое создает то, чего нет в реальности. Это подчеркивает индивидуальный характер терминотворчества.

Алексеева выявила, что в основе научной метафоры как типа содержатся как общие, так и специфические операторы. Противоречие научной метафоры разрешается одновременным действием двух законов: контаминации (в качестве общего закона) и подобия (в качестве специфического). Причем эти операторы коррелируют таким образом, что контаминация становится условием установления дальнейшего подобия, т.е. контаминация задает подобие. Значимым является создание модели процесса терминологической метафоризации, которая верифицирует выдвинутую в работе гипотезу о метафорическом характере терминопорождения. Созданная модель выгодно отличается от имеющихся моделей арифметических подобий, основанных на принципах обмена или замещения значений и соразмерности. Она также отличается от современных интеракционных моделей метафоры, использующих дихотомию сравнение/противо-поставление.

Данная дихотомия представляет референтные отношения метафоры довольно поверхностно, жестко. В отличие от этих моделей, модель, созданная Алексеевой, основывается на дихотомии уподобление/расподобление, которая соотносится с глубинным уровнем анализа научной метафоры. Анализ глубинных процессов метафоризации позволил автору сделать выводы о нейтрализации межъязыковых различий и деривационной аналогии в ходе терминологической метафоризации. Исследованы функции метафорического термина, которые прежде не описывались в теории терминоведения. Функции термина нельзя изучать изолированно. В реальном функционировании они оказываются осложненными, поскольку неизбежно включаются в своеобразный комплекс, характеризующий реальное бытие термина в тексте. Заслугой исследователя является дифференциация общих и специфических функций, выполняемых метафорическим термином, и выяснение роли каждой из них в процессе создания метафоризированного научного текста.

Когнитивность термина рассматривается и под другим углом зрения. Так, О.В. Алексеева сосредоточила свое внимание на когнитивных аспектах термина, которые можно установить при диахроническом рассмотрении терминологии (Алексеева О.В., 1994). В терминах, отмечает автор, запечатлевается развитие «соответствующих представлений о данной сфере человеческой деятельности». Н.С. Шарафутдинова (Шарафутдинова Н.С., 1999) избрала в качестве объекта своего исследования когнитивно-понятийную категорию субстанциальности, Е.И. Голованова (Голованова Е.И., 2004) рассмотрела формирование, развитие и

статус в языке категории профессионального деятеля, З.Р. Палютина (Палютина З.Р., 2002) увязала когнитивные характеристики термина с синергетически-цивилизационными и антропоцентрическими факторами в развитии языка.

8. *Дискурсивные аспекты термина* изучаются в настоящее время также с когнитивной точки зрения. Л.М. Алексеева и С.Л. Мишланова (Алексеева Л.М., Мишланова С.Л., 2002) определили роль термина в дискурсе в рамках концепции когнитивного терминоведения, описали модель терминологизации в дискурсе, установили полипарадигмальный характер термина в медицинском дискурсе. С.Л. Мишланова (Мишланова С.Л., 2002) обратила внимание на когнитивно-дискурсивную природу терминологической метафоры, описала эволюцию и зависимость метафорических моделей от типологии дискурсов, предложила интегративную модель метафоры. В.М. Лейчик (Лейчик В.М., 2002), обобщив особенности функционирования терминов в тексте, предложил говорить о терминоведческой теории текста.

Дополнительную обзорную информацию об уровне развития научных исследований в области терминологической лексики и теоретических основ отечественного терминоведения можно получить из работ (Актуальные проблемы российского языкознания, 1997; Лексикология. Терминоведение. Стилистика, 2003; Марчук Ю.Н., 2000; Татаринов В.А., 2000; Russian terminology science, 2004; Słupskie prace humanistyczne, 1999).

Список литературы

1. Абрамова Г.А. Медицинская лексика: Основные свойства и тенденции развития: (На материале русского языка). – М.; Краснодар, 2003. – 239 с.
2. Авербух К.Я. Общая теория термина. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. – 251 с.
3. Актуальные проблемы российского языкознания: 1992–1996 гг. / РАН. ИНИОН. – М., 1997. – 204 с.
4. Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования. – Пермь, 1998. – 120 с.
5. Алексеева Л.М. Термин и метафора. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1998. – 249 с.
6. Алексеева Л.М. Термин как категория общего языкознания // Русский филологический вестник. – М., 1998. – № 1/2. – С. 33–44.
7. Алексеева Л.М. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте: Автореф. Дис... д-ра филол. наук. – М., 1999. – 33 с.

8. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: Теоретические основы и принципы анализа. — Пермь: Изд-во ПГУ, 2002. — 199 с.
9. Алексеева О.В. Когнитивные аспекты диахронического исследования терминологии строительных материалов: Автореф. Дис... канд. филол. наук. — М., 1994. — 22 с.
10. Борхвальдт О.В. Русская терминография в историческом аспекте. — Красноярск, 1998. — 118 с.
11. Борхвальдт О.В. Историческое терминоведение русского языка. — Красноярск, 2000. — 199 с.
12. Борхвальдт О.В. Лексика золотопромышленности в аспекте исторического терминоведения русского языка: Автореф. Дис... д-ра филол. наук. — Томск, 2000. — 56 с.
13. Борхвальдт О.В. Лексика золотопромышленности в историческом освещении. — Красноярск, 2000. — 400 с.
14. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация в современном русском языке. — Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1996. — 252 с.
15. Буянова Л.Ю. Терминологическая деривация: Метаязыковая аспектуальность: (На материале современного русского языка): Автореф. Дис... д-ра филол. наук. — Краснодар, 1996. — 44 с.
16. Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса. — Краснодар, 2002. — 184 с.
17. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. — М.: Логос, 2001. — 303 с.
18. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. — 112 с.
19. Володина М.Н. Термин как средство специальной информации. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. — 76 с.
20. Володина М.Н. Теория терминологической номинации. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. — 180 с.
21. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 128 с.
22. Голованова Е.И. Становление уральской горнозаводской терминологии в XVIII — начале XIX вв.: Автореф. Дис... канд. филол. наук. — Челябинск, 1995. — 22 с.
23. Голованова Е.И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. — Челябинск, 2004. — 330 с.
24. Гринев С.В. Введение в терминоведение. — М.: Моск. Лицей, 1993. — 309 с.
25. Гринев С.В. Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения. — М., 1998. — 144 с.
26. Даниленко В.П. Актуальные направления лингвистического исследования русской терминологии // Современные проблемы русской терминологии / Отв. ред. Даниленко В.П. — М.: Наука, 1986. — С. 5—23.

27. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем. — М.: Акад. проект, 2003. — 303 с.
28. Им Хынг Су. Становление терминологической лексики русского языка. — М.: Наука, 1995. — 190 с.
29. Казарина С.Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий. — Краснодар: Изд-во КубГМА, 1998. — 272 с.
30. Какорина Е.В. Трансформации лексической семантики и сочетаемости // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Отв. ред. Земская Е.А. — М.: Яз. рус. культуры, 1996. — С. 67—89.
31. Карпухина Н.М. Семантический анализ профессионально терминованных наименований экономической сферы деятельности: Автореф. Дис..... канд. филол. наук. — М., 2001. — 17 с.
32. Карпухина Н.М. Словарь профессионально терминованной экономической лексики. — М.: Изд-во РЭА, 2001. — 68 с.
33. Китайгородская М.В. Современная экономическая терминология: (Состав. Устройство. Функционирование) // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Отв. ред. Земская Е.А. — М.: Яз. рус. культуры, 1996. — С. 162—236.
34. Комарова З.И. Пересекаемость лексико-семантических групп глаголов в терминологиях // Русская глагольная лексика: Пересекаемость парадигм / Отв. ред. Бабенко Л.Г. — Екатеринбург: Изд-во УГУ, 1997. — С. 391—465.
35. Коновалова Е.А. Деривационный потенциал и парадигматические отношения современной русской экономической терминологии: Автореф. Дис..... канд. филол. наук. — М., 1998. — 16 с.
36. Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в металингвистику. — СПб.: САГА, 2002. — 351 с.
37. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. — М.: Моск. Лицей, 2001. — 470 с.
38. Культура русской речи / Отв. ред. Граудина Л.К., Ширияев Е.Н. — М.: Норма, 2000. — 549 с.
39. Культура русской речи и эффективность общения / Отв. ред. Граудина Л.К., Ширияев Е.Н. — М.: Наука, 1996. — 440 с.
40. Курышко Г.Ф. Явление синонимии в профессиональной лексике. — М.: Нар. учитель, 2001. — 132 с.
41. Лейчик В.М. Элементы терминоведческой теории текста // Стереотипность и творчество в тексте / Отв. ред. Котюрова М.П. — Пермь, 2002. — С. 63—77.
42. Лейчик В.М., Бесекирска Л. Терминоведение: Предмет, методы, структура. — Белосток: Изд-во Белосток. ун-та, 1998. — 184 с.
43. Лексикология. Терминоведение. Стилистика. — М.; Рязань: Пресса, 2003. — 187 с.
44. Малина З.М. Термины-фразеологизмы и русские словари. — М., 2000. — 76 с.

45. Манерко Л.А. Язык современной техники: Ядро и периферия. — Рязань: Изд-во РГПУ, 2000. — 140 с.
46. Марчук Ю.Н. Основы компьютерной лингвистики. — М.: Нар. учитель, 2000. — 226 с.
47. Мельников Г.П. Основы терминоведения. — М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. — 115 с.
48. Мишланова С.Л. Метафора в медицинском дискурсе. — Пермь: Изд-во ПГУ, 2002. — 160 с.
49. Основы научной речи / Под ред. Химика В.В., Волковой Л.В.. — М.; СПб.: Academia, 2003. — С. 68—81.
50. Палютина З.Р. Цивилизационный подход к терминологии. — Уфа: Башк. ГУ, 2002. — 171 с.
51. Политехнический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1980. — 655 с.
52. Прохорова В.Н. Русская терминология: (Лексико-семантическое образование) / Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова. — М., 1996. — 125 с.
53. Рахимбердиев Б.Н. Эволюция семантики экономической терминологии русского языка в XX веке: Автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 2003. — 24 с.
54. Рудинская Л.С. Современные тенденции развития гематологической терминологии: Автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 1997. — 27 с.
55. Словарь русского языка: В 4 т. — М.: Рус. яз., 1981—1984.
56. Соколов А.Н. Дискурс социального устройства в русском языке второй половины XIX века. Становление и динамика словесно-понятийной группы «социализм — коммунизм»: Автореф. дис... канд. филол. наук. — М., 2002. — 24 с.
57. Султанов А.Х. О природе научного термина: Проблема философии языка. — М.: Изд-во РУДН, 1996. — 91 с.
58. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: В 2 т. — М.: Наука, 1989—1993.
59. Татаринов В.А. Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминографии: Дис... канд. филол. наук. — М., 1987. — 234 с.
60. Татаринов В.А. Теория терминоведения. — М.: Моск. Лицей, 1996. — Т.1: Теория термина: История и современное состояние. — 311 с.
61. Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: В 3 т. — М.: Моск. Лицей, 1994—2003.
62. Татаринов В.А. Терминоведение: Указатель работ, опубликованных отечественными терминологами в XX веке. — М.: Моск. Лицей, 1998. — 175 с.
63. Татаринов В.А. Феноменология термина // РФВ. — М., 1998. — № 1/2. — С. 5—26.
64. Татаринов В.А. Научная парадигма Российского терминологического общества *Рос-сТерм* и ее перспективы // Терминол. вестн. — М., 2000. — № 1. — С. 5—23.

65. Татаринов В.А. О формировании новой научной парадигмы в российском терминоведении // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет. — М.: Яз. рус. культуры, 2000. — С. 155–160.
66. Фельде (Борхвальдт) О.В. Историческое терминоведение в теории и практике. — Красноярск, 2001. — 148 с.
67. Хижняк С.П. Формирование и развитие терминологичности в языковой системе: Автореф. дис... д-ра филол. наук. — Саратов, 1998. — 39 с.
68. Шарафутдинова Н.С. Формирование отраслевой терминологии на базе логико-семантической категории субстанциальности: Автореф. дис... канд. филол. наук. — Ульяновск, 1999. — 20 с.
69. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. — СПб., 2003. — 279 с.
70. Russian terminology science (1992–2002). — Vienna: TermNet, 2004. — 462 p.
71. Słupskie prace humanistyczne. — Słupsk, 1999. — N 18a. — 230 s.